

Ю. И. Айхенвальд

Максим Горький

Из книги: Силуэты русских писателей. В 3 вып. М., 1906 - 1910; 2-е изд. М., 1908 - 1913.

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/gorkiy/ayhenv_gorkiy.html.

Наиболее поразительной и печальной особенностью Горького является то, что он, этот проповедник свободы и природы, этот - в качестве рассказчика - высокомерный отрицатель культуры, сам, однако, в творчестве своем далеко уклоняется от живой непосредственности, наивной силы и красоты. Ни у кого из писателей так не душно, как у этого любителя воздуха. Ни у кого из писателей так не тесно, как у этого изобразителя просторов и ширей. Дыхание Волги, которое должно бы слышаться на его страницах и освежать их вольной мощью своею, на самом деле заглушено тем резонерством и умышленностью, которые на первых же шагах извратили его перо, посулившее было свежесть и безыскусственность описаний. Моралист и дидактик, он почти никогда не отдается беспечной волне свободных впечатлений; опутав себя и читателя слишком явными, белыми нитками своих намерений и планов, он поучает уму-разуму и от ненавистной для него, избличаемой интеллигенции перенял как раз ее умственность, ее теневые стороны. Питая неодолимую антипатию к приват-доцентам и склоняя их к обнаженным ногам Вареньки Олесовой, он сам тем не менее - дурной и мелкий интеллигент, вдобавок еще с привитой впоследствии наклонностью к заграничному декадансу. Он не мог сбросить с себя даже той небольшой и недавней культуры, которую второпях на себя накинул. И в нем сказалось не то, что есть хорошего, а то, что есть дурного в типе самоучки. Колеблясь между природой и образованностью, он ушел от стихийного невежества и не пришел к истинному и спокойному знанию, и весь он представляет собою какой-то олицетворенный промежуток, и весь он поэтому, в общей совокупности своего литературного дела, рисуется нам как явление глубоко некультурное. И кажется, не только художник Вагин из его "Детей солнца", но и сам автор убежден, что современный химик Протасов "все возится со своей нелепой идеей создать гомункула". Из его биографии видно, что, по духу своему, он не преимущественный питомец книги, - и все-таки он не одолел мертвящей книжности: это оказалось не под силу его ограниченному, его нещедрому дарованию. Сначала у многих возникла иллюзия, будто он - талантливая натура; но вскоре обнаружилось, что у него мало таланта и еще меньше натуры. Он не баян, а стихотворец. Казалось бы, всем складом своего оригинального существа и существования огражденный от пошлости, он впал именно в нее, в самую средину и глубину ее; и тот, кого мы принимали за прекрасного дикаря, за первобытного и самобытного рапсода воли и чувства, в ужасающей риторике своего "Человека" дал не только образец бездарности и безвкусицы, но, что еще характернее и хуже, в нестерпимой ритмической прозе восхвалял человека - за что же? - не за иррациональность его дерзновенной и могучей воли, а за мысль, за "Мысль" с прописной буквы, за то, что менее всего дорого и важно в том естественном человеке, которого Горький выдает за своего излюбленного героя, за первенца своей души!

Эта "Мысль", маленькая, несмотря на свою большую букву, вообще неизменно сопутствует рационалисту Горькому. Незначительная и неинтересная сама по себе, она только отравляет и сушит едва ли не все его рассказы и пьесы. Автор с нею пристав! к читателям. Она разменивается в его книгах на бесчисленные и, в большинстве случаев, плоские афоризмы и притчи, которые сыплются у него решительно из всех уст, тягучей канителью навязчивых назиданий переходят со страницы на страницу и этим вызывают чувство досады. Нередко явствует из них, что мыслителю Горькому, самодовольному, Колумбу всех открытых Америк, внове были прописи. Он как откровения вещает, например, такие банальности: "Ибо при условии отсутствия внешних впечатлений и одухотворяющих жизнь интересов муж и жена - даже и тогда, когда это люди высокой культуры духа, - роковым образом должны опротиветь друг другу"; "как все, и поэзия теряет свою святую простоту и непосредственность, когда из поэзии делают профессию" В какую словесную фольгу облечена сама по себе приемлемая мысль: "если бы нас не одолевали гнусные черви мелких будничных зол, мы легко раздавили бы страшных змей наших крупных несчастий"! По поводу Коновалова, который всю душу вкладывал в работу свою, мы узнаем поучительное обобщение: "как это и следует делать каждому человеку во всякой работе". Лишь изредка, случайно, в изобильном кодексе этой элементарной мудрости, похожей на ограниченность, попадаетесь значительная и серьезная идея, например, глубокую мысль Метерлинка о непричастности нашей души к нашим преступлениям, об ее изначальной и ничем не запятнаемой святости, об ее роковой и вечной чистоте, - эту мысль напоминают слова одного из горьковских персонажей: "Душа всегда чиста